

Трейси Чи

ЧТЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Ч-58

Серия «Best book ever»

Traci Chee
THE READER

Перевод с английского *В. Миловидова*

Серийное оформление *Е. Фerez*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Чи, Трейси.

Ч-58 Чтец : [роман] / Трейси Чи; пер. с англ. В. Миловидова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 384 с. — (Best book ever).

ISBN 978-5-17-101684-5

Юная Сефия, скрываясь от зловещих Ликвидаторов, прячется в лесах. Ее мать умерла, отец зверски убит, тетьа похищена. Девушка не решается приближаться к людям — слишком горьки воспоминания, слишком тяжелы душевные травмы. Единственное, что осталось ей от родителей — таинственный предмет, заставляющий ее забывать об одиночестве, страхах и времени...

Капитан пиратского судна Рид никогда не отступает перед вызовами, бросаемыми судьбой. Отправиться на поиски легендарного клада? Легко. Доплыть до Края Мира, за которым, по слухам, нет ничего, кроме бесконечного океана мертвецов? Почему бы и нет?!

Безымянный юноша, которого торговцы людьми заставляют драться не на жизнь а на смерть на подпольных аренах, выходит победителем из всех схваток. Но какую же дорогую цену платит он за свою неуязвимость!

Судьбы этих столь разных людей накрепко связаны золотыми нитями. Кровью. И...чернилами?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Traci Chee, 2016

© Перевод. В. Миловидов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Книга

ВСЕ ИСТОРИИ НАЧИНАЮТСЯ и заканчиваются одинаково: «Однажды в некотором государстве жили... И будут они жить да поживать».

Существовал когда-то мир под названием Келанна, прекрасный и ужасный мир воды, кораблей и магии. Люди, жившие в этом мире, были похожи на тебя: они разговаривали, работали, любили и умирали.

Но в одном эти люди от нас отличались — они не умели читать. Никогда не знали письменного слова; у них не было алфавита и норм правописания; то, что они слышали и узнавали, они не записывали в книгах. Они запоминали рассказываемые им истории, и эти истории жили в их голосах и телах; жители Келанны повторяли эти рассказы, пока они не становились частью их существа, а легенды — их языком и сердцем.

Некоторые рассказы передавались из уст в уста, пересекая пространство государств и океанов; другие же, будучи по-

вторенными всего несколько раз, быстро забывались. Не все легенды становились известными всему народу. Многие из них жили тайно в одной-единственной семье или малом кружке почитателей, которые шепотом передавали их друг другу и, таким образом, поддерживали в них жизнь.

Одна из таких историй повествовала о таинственном предмете, именуемом *Книга*. В ней содержался ключ к величайшей магии этого мира. Некоторые уверяли, что в Книге записан секрет превращения соли в золото, а людей — в крыс. Другие утверждали, что, не утруждая себя, человек с помощью этой Книги способен управлять погодой, а то и... армию создать! Варианты различались деталями, но все соглашались в одном: только очень немногие были способны использовать Книгу. А некоторые уверяли, что, якобы, существует сообщество людей, специально обученных обращаться с Книгой; поколение за поколением эти люди размышляют над Книгой и копируют ее, снимая урожай знаний так, как если бы это была питательнейшая пшеница, на которой они могли бы жить, усваивая лишь предложения и абзацы. Год за годом они копили магические заклинания, делаясь с каждым днем все сильнее и сильнее.

Но книга — вещь чрезвычайно любопытная. В ее власти захватить тебя в плен, перенести тебя в дальние страны, а то и сделать из тебя нового человека. Хотя, с другой стороны, книга — даже волшебная — есть просто стопка бумаги, проклеенная и прошитая нитками. И чаще всего читатели забывают именно это обстоятельство. Они забывают, скольким опасностям подвергается книга.

Со стороны огня.

Сырости.

Времени.

И воров.

Глава 1

ПОСЛЕДСТВИЯ ВОРОВСТВА

ТОЛПА ЗАПОЛониЛА ПЕСЧАную ДОРОГУ, проходившую сквозь непролазные джунгли, и солдаты королевской морской пехоты в своих красных мундирах, верхом на откормленных жеребцах, возвышались над морем человеческих голов, как генералы на параде.

Сефия никогда не видела ни парадов, ни генералов, потому что Нин, стоило ей заметить хоть что-либо, отдаленно напоминающее мундир, сворачивала с дороги. Но Сефия ощущала присутствие власти и без труда распознала ее лик в красных мундирах.

Мундиры солдат были безукоризненными, черные сапоги начищенными до блеска, а эфесы сабель и приклады ружей сияли на солнце. Любой законопослушный гражданин был счастлив лицезреть этих красавцев.

— Воров ловят, — сказал кто-то из толпы. — Народу на дороге предостаточно, вот бандиты и вышли на охоту.

Сефия усмехнулась.

Нин посмотрела на нее.

Вокруг них народ, стремящийся на рынок, нес корзины и катил грохочущие тележки, на которых были устроены холщовые сумки для младенцев; родители грубыми голосами призывали своих грязноватых детей, когда те отходили слишком далеко.

Сефия и Нин легко смешались с этой толпой — потрепанная одежда делала их неотличимыми от массы народа.

Но они были не такие, как все.

Сефия провела рукой по потайному карману на своей жилетке, где она хранила кусок кварца с вкрапления-

ми венерина волоса, несколько последних рубинов с ворованного ожерелья и связку отмычек. Хотя ей было только тринадцать, а стройная фигура заставляла ее выглядеть еще моложе, Сефия, вероятно, совершила столько преступлений, сколько не совершила бы за свою жизнь и дюжина взрослых воров — если, конечно, не брать в расчет Нин.

— В городе, наверное, новый старший офицер, — пробормотала Нин. — Сверхусердный служака.

Сефия подавила смешок.

— Чему ты смеешься, девочка моя?

— Ничему, тетя Нин.

— Прекрати. Будешь так ухмыляться, на тебя станут обращать внимание — кому не надо.

Они подходили к городу, и Нин достала и повесила на руку связку шкур. Сгорбленная — гора, а не женщина, — Нин возрастом могла бы сойти за бабушку Сефии. Исключительно умелая — на шкурах, которые она снимала, Нин не оставляла ни малейшей дырочки; вся шкурка, до мельчайшей ворсинки, была отделена от тушки аккуратно и бережно.

Дело было в руках Нин. На первый взгляд — ничего особенного: загрубевшие от жара, со следами старых ожогов, лоснившиеся на свету. Но в том, как Нин ими пользовалась, было нечто особое. Ее прикосновение было буквально, по-настоящему пуховым. Сефия была убеждена, что Нин могла схватить за крылья бабочку, отпустить ее, и хрупкие крылья насекомого несколько бы не пострадали. Чтобы понять, что за женщина Нин, нужно было видеть ее руки.

Что до остального, то в своем дорожном наряде из медвежьей шкуры она выглядела совершенно непримечательной: некая бурая сухая неопрятная гора, готовая

на глазах расплзтись во влажной атмосфере дождевых лесов.

Когда красные мундиры приблизились к ним, Нин напряглась и, перебросив шкуры с одной руки на другую, проговорила:

— Взгляд в землю.

Сефия глянула через плечо, заметив сверкнувшие на солдатских мундирах пуговицы.

— Так они ведь на нас и не смотрят.

— И не станут, если не высовываться, — отозвалась Нин.

Быстро оценив обстановку краешком глаза, она продолжала:

— Шестьдесят лет, и меня ни разу не поймали. Знаешь, почему?

— Потому что ты осторожна, — вздохнула Сефия.

— Потому что я осторожна.

Когда красные мундиры, позванивая сбруей и распространяя запах лошадей и сена, проехали, Нин облегченно вздохнула. Глядя им в спину, она сказала:

— Не забудь. Есть большее зло, чем красные мундиры.

Сефия зябко пожала плечами и стала теревить ремень своей маленькой сумки. Ей не хватало ее большого мешка; она привыкла носить за спиной все, что было ее собственностью: все инструменты для охоты, стряпни и обустройства кочевой жизни, а в самом низу — единственная вещь, которая осталась ей от родителей — тяжелое, странной формы напоминание о том, что они когда-то существовали, а теперь их нет.

Но их большие мешки были надежно спрятаны в джунглях, меж корней смоковницы, в миле от дороги.

— Поторопись, девочка моя!

Повинуясь, Сефия ускорила шаг, на ходу повернувшись и показав спиной солдат неприличный жест. Старшая хотела шлепнуть ее, но Сефия, смеясь, ускользнула, пританцовывая, на безопасное расстояние.

Они вошли в город с северной стороны, возле воды. Как и большинство городов в Оксини, этот стоял на берегу моря. Причалы едва держались на шатающихся сваях, там и тут пришвартовались несколько рыбацких лодок, а в центре бухты на якоре стоял красный корабль королевского флота.

По привычке Сефия внимательно рассматривала местность, изучая лачуги и тропинки между ними, чтобы понять, где тут можно спрятаться — хотя прятаться ни от кого пока было не нужно.

Когда же они дошли до городской площади, Сефия уже едва сдерживала волнение: вырвавшись на несколько шагов вперед, она всплескивала руками словно птица, готовая взлететь.

Женщина в шапке с коротким козырьком (такие носят разносчики новостей и глашатаи) и коричневыми лентами на рукавах стояла на перевернутом ящике у входа на площадь. Невысокого роста, она отличалась большим ртом, из которого, подобно трубному звуку рога, разносились произносимые ею слова:

— Три месяца минуло, но по-прежнему нет известий от Одинокого Короля! Джентиан возвращается в Корабель!

Жестянка возле ног женщины позвякивала мелкой медной монетой. На дальнем конце площади стояли, разделенные узкой улочкой, два здания — гостиница и таверна, а по всему ее периметру располагались магазины и лавки. Чтобы покупатели могли узнать, где и что продается, над каждой лавкой висели опознавательные знаки: большой нож и поросенок над мясницкой, наковаль-

ня над кузней, переkreщенные ухваты над пекарней. Но толпу, вливавшуюся в город, привлекали главным образом торговые ряды в центре города. В рыночные дни сюда стекались приехавшие издалека фермеры и странствующие купцы, которые продавали все — от материи до самодельного мыла и бечевы.

Сефия нетерпеливо переступала с ноги на ногу. Большинство пришедших на площадь было в рубахах с потрепанными краями и старых штанах, длинных хлопковых платьях и запыленных башмаках, но время от времени среди этой серой запыленной массы нет-нет да и сверкал изумруд или гранат, шелестели шелк, бархат и парча, блеснув напоследок сиянием бриллиантов.

Сефии достаточно было одного взгляда, чтобы определить, кто на этой площади самый богатый. Наметанным глазом она отметила и слабые застешки браслетов, и толстые кошельки под полами кафтанов, но от кражи пока воздерживалась. Когда она выбирала жертву, выбор ее никогда не был случайным. Жертва словно... словно распространяла вокруг себя некое сияние, некий свет, который она видела почти воотчию — маяк для ее воровского инстинкта.

Проходя торговыми рядами, Сефия и Нин миновали столы, заваленные манго, сладким картофелем и прочими овощами, свежей рыбой и огромными кольцами острого сыра. Остановившись полюбоваться горкой маракуйи, Сефия вдруг увидела сбоку бочку орехов кешью. Спрятавшись между мешками с кофе и корзинами фиг, орехи кешью источали лучи мягкого света. Вот это она могла взять без опаски.

Отстав от своей тетки, она замедлила шаг, дожидаясь подходящего момента. Вскоре фермер достал разноцветные шнурки с замысловатыми узелками, с помощью которых он вел свою бухгалтерию, и отвлекся на другого

покупателя. Тут-то ее рука и сделала молниеносное движение к бочке с кешью. И вот уже орехи приятно тяжелеют руку, а внутри поднимается радость, но не успевает Сефия переправить орехи в сумку, как Нин хватает ее за запястье.

— Что я сказала? — с трудом сдерживаясь, произносит старшая.

Чувствуя, что оплошала, Сефия разжимает ладонь, и орехи сыплются назад. Фермер поворачивается на звук и смотрит из-под густых бровей на Сефию, а потом на Нин. Потом, погладив усы щеточкой, спрашивает:

— Я вас уже где-то видел, не так ли?

Густой низкий голос течет из него как бархатная ткань.

Не сказав ни слова, Нин бросилась прочь. Сефия, поглаживая запястье, устремила след. А ведь у нее могло все получиться — времени было предостаточно!

Сефия очень прилично владела искусством воровства. В суровые зимы, когда нельзя было ни таскаться по дворам, ни охотиться, Нин учила ее лазать по карманам, отмычкой открывать замки и даже воровать большие куски мяса так, чтобы никто ничего не заметил.

Сефия глянула через плечо. Усатый фермер с подозрением смотрел им вслед, поигрывая в руках своими счетными шнурками.

— Глупая девчонка, — пробормотала Нин.

— Прости, — отозвалась та. — Я не знала.

— Нужно было слушать, что тебе говорят. Я собираюсь продать эти шкуры, но запастись здесь мы не будем.

Нин, нервничая, посмотрела на фермера и предложила:

— Хочешь, купи себе орехов, но побыстрее!

Она отправилась со своими шкурами к меховщику, а Сефия в одиночку пошла к ряду торговцев зеленью и специями.

Когда она подошла, запах пряностей выстрелил в ее сторону густым облаком, от которого у нее защипало в носу и потекли слюнки, а от ее угрюмого настроения и следа не осталось. Столы зеленщиков были завалены четырехугольными пакетами, на которых были изображены находящиеся внутри сушеные растения: душица, розмарин, тмин, кориандр, сладкий укроп, лавр, куркума, чабрец. Сефия похлопала по своей сумке и сквозь холстину пальцами ощутила уверенную твердость ванильных бобов. У зеленщиков на столах почти не было ванили — она могла получить за свой товар хорошие деньги.

Прямо перед ней озабоченного вида женщина выбирала пряности, одной рукой указывая на пакеты, а другой держа за руку своего маленького сына. Мальчик плакал, а женщина сжимала его руку так сильно, что его розовая кожа морщилась.

— Никуда от меня не отходи! А то заберут тебя импрессоры.

Она тряхнула мальчика за руку, и все его тело сотряслось.

Торговка специями, по виду крестьянка с длинными руками, перегнулась через прилавок, положив ладони между корзинами цветной соли.

— Я слышала, на этой неделе исчез еще один мальчик, — сказала она, пугливо озираясь — не подслушивает ли кто.

Сефия притворилась, что ее занимают связки киннамона и пакеты с кардамоном.

— На побережье, — продолжала торговка уже громче. — Это страна импрессоров.

Импрессоры. Даже слово звучало зловеще. Они с Нин слышали кое-что о них пару лет назад, до того, как перебрались в Оксини.

Поговаривали, что мальчики и юноши исчезали по всей Келанне. Пропавших было слишком много, чтобы их можно было считать убежавшими из дому. Некоторые думали, что мальчишек убили, другие — что похитили. Ходили слухи, что их превращали в убийц и заставляли драться до смерти. Люди говорили, что этих мальчишек можно было узнать по выжженному кольцу на шее. Это было первым из того, что делали с ними импрессоры — клеймили пленников, выжигая кольцо раскаленной проволоочной петлей, отчего на шее оставался шрам.

При мысли об импрессорах все внутри у Сефии сжалось, и она посмотрела на ту сторону рыночной площади, где стоял меховщик и где должна была находиться Нин. Меховщик был пухлым человечком с круглыми щеками и толстыми пальцами, которыми он с довольным выражением лица перебирал меха, принадлежавшие Нин.

Однако самой Нин нигде не было.

Обернувшись, Сефия искала глазами в толпе знакомую грузную фигуру. По площади ходили дамы в жемчугах, мужчины в котелках, матросы, пробовавшие свежие фрукты. Но Нин с ее приземистым силуэтом, с ее приметной спиной под медвежьей шкурой не было нигде.

Оставив свое место в очереди, Сефия бросилась к меховщику.

— Простите! — начала она.

Укладывая в стопку и распуская ладонью новые шкурки, он мельком взглянул на Сефию и сказал:

— У меня нет конфеток для тебя, девочка. Отправляйся к кондитеру.

— Мне не нужны конфеты, — ответила Сефия. — Я ищу свою тетю.

Меховщик удивленно моргнул, что сделало его немного похожим на корову.

— Твою тетю? — переспросил он.

— Да, — сказала Сефия. — Она только что продала вам эти шкурки.

Неожиданно меховщик посмотрел на нее совершенно другим взглядом — холодным, словно каменным.

— Не знаю, о ком ты говоришь, девочка, — сказал он. — Здесь никого нет.

Бесстрастная пустота его взгляда и глухой голос испугали Сефию. Меховщик пристально смотрел на нее. Повернувшись на пятках, Сефия бросилась в толпу, и ее тотчас же захватил водоворот людей, которые стали пихать, толкать ее, — едва ли не топтать.

— Эта старая вещь? Да она хранилась в моей семье несколько поколений. Ее привезли из Ликкаро еще до ухода короля Филдспара.

— Моя соседка знала кое-кого, чью сестру забрали прошлой зимой. Она говорит...

— Нет. «Река Веры» стоит где-то неподалеку. Я сам видел корабль. Недалеко от берега.

Незнакомые лица, огромные и ужасные, вращались вокруг Сефии: кустистые брови и бороды, слезящиеся глаза, морщины, высывающиеся языки и клацающие зубы, носы картошкой и широко открытые смеющиеся рты. Обрывки разговоров падали на голову девочки как острые камни.

— Я не говорю, что Дариону есть что скрывать, но не кажется ли вам подозрительным, что он никого не пускает через свою границу?

— Все стало намного хуже. Они забирают все больше и больше мальчиков. Королева делает все, чтобы поймать похитителей, но как их остановить? И кто знает, сколько их там всего?

